

Владимир АРИСТОВ

Владимир Аристов родился и живет в Москве. Окончил МФТИ, доктор физико-математических наук. Публикации в журналах «Юность», «Новый мир», «Знамя», «Комментарии», «Уральская новь», «Арион», «Воздух», «НЛО» и др. Автор пятнадцати поэтических сборников, двух романов и пьесы. Литературные премии: им. Алексея Крученых (1993), Андрея Белого (2008), «Различие» (2016). Предыдущая публикация в «Волге» – «Жизнь незамечаемых людей» (2019, № 5-6).

Стертым от времени голосом в трубку проговорил
Шлифуя рукой, как гальку, плоский камень карманного телефона
Другу в далекую трубу телефонную тихо бубнил
Напоминая о его воспоминаньи забытом

Здесь в городе неродном,
Но пятнами тени и каменными местами знакомого

Хоть бы он вспомнил Москву
От мостовой отозвался хотя бы Нью-Йорик один

Вымолвил ты себя где-то там
Вымолви здесь себя
Еще раз, но иного

Там в горькой той
Прозрачной той
Чернильнице, ты почувствовал чернила на
вкус и удивился

В пресной нашей воде
откуда она, другая
Когда ты обмакнул стальное перо
Оставил на прописи соленые следы
Но не морской, а океанической соли

Каховская в Малоярославце

Так наверное и после Страшного суда
бесконечный свой отбывающий срок
внезапно был реабилитирован
но о том не узнал
потому что себя забыл да и всеми забыт

омыть от памяти лицо

словно высокие синие окна

ведь память – это рудименты жизни

но не знаю удастся ли

там лужа зимняя на улице есть огромная
что промерзает иногда до дна
тогда морщины проходят по зеркалу ее лица
глубокому и темному
никто туда заглядывать не любит
там ничего не отражено

мой прадед не вернулся

это я а не он
вернулась из сибирских урочищ и руд

он не был реабилитирован как я
хотя я не ждала и не просила
мне некого просить об этом
покуда люди не разучились убивать
друг друга

мой прадед
декабрьскую революцию не довершил
хотя был первым услышавшим наше эхо назад в историю
отдаленный во времени родственник
по имени и по крови пролитой

сейчас я вижу трижды повторенное вплавлено
в нынешний герб Эс.Эр.

Не знаю зачем мне этот город дан
Малоярославец может быть...
Чтобы пытаться вспомнить где-то здесь остался жив в бою с Наполеоном
Милорадович

я привезла для продажи искусственные цветы
и кротостью меня встретили
у вокзала в Москве
незнакомые настоящие цветы

у каждого цветка свое лицо неузнаваемое, неповторимое

я живу на улице имени террориста смятенного нашим террором
но знаю улицы имени жертв когда-нибудь переименуют
Воровского улицу превратят в Эйхгорн-штрассе чтобы снова потом
в исконный Крещатик
я гляжу что и здешнюю мою Володарского – вернут в бывшую и быть может
в будущую Ивановскую

Здешний маленький город чем-то похож
на родной городок Таращу

откуда рукой подать до родимого Киева

где потом в 18-м
за брестский мир и войну
Эйхгорна, генерала германского
нашей группой а по сути мной

полгода в камере ожидая подписи кайзера под приговором

укрылась потом у таращанцев и богунцев у Щорса в полку эсерами наводненного

не вспомнить
в этой луже в черных зеркальных трещинах
где на дне иногда мне видится
лишь лицо Спиридоновой и Корде

и мне видится что моя судьба совсем не из стали но из льда
когда-нибудь и он растает
когда-нибудь растает слезный лед

и если мне удастся память мою отдать другим

тогда смогу я своею жизнью
лишь любоваться
ею не узнавая
как недоступным ледяным дворцом

в котором на каменном лице мемориальном
начертано полустертое
MISERICORDIA

Немногое сделать осталось
довести до конца перевод “Le petit prince” Сент-Экзюпери
да встретиться с Циолковской в Калуге

Ист. справка: Ирина Каховская (1887–1960), одна из немногих вернувшихся в 50-е руководителей эсеров, после полувека – с перерывом на революцию – каторги, ссылок и лагерей, жившая потом в Малоярославце, дальняя родственница декабриста Каховского.

Питомник на склоне реки

1. Страдания растений

Неутомимы растения на склоне реки
Здесь в открытой теплице долины
Происходит неустанный неравный обмен их с людьми

И цветы позавидуют людям
Тянутся к ним и одному из всех издалека

А он различает не лицо,
А лишь общества имен
Ряды, ранжиры и рамки,
Странный перечень их:
«Мишель Бюхнер», «Князь Волконский», «Монтень»,
«Огни Москвы», «Нежность», «Небо Донбасса»,
«Оливье де Сер», «Олимпиада Колесникова», «Примроз»
Вы тянетесь к нему и просите безмолвно увидеть каждого из вас
А он выбрал себе случайно
Только три сорта – сорта – а не вас одиноких – сирени:
«Мадам Лемуан», «Мадам Феликс» и «Знамя Ленина»

Остальные остались в земле
Или в таблице, приписанные к разрядам
Но где ты одна где ты один
Где ты не распознать тебя среди срезанных трупов цветов

Зеленый остров посредине реки
И вокруг него прозрачнее неба
Синие рукава воды

Северная яблоня изогнулась на склоне

И ты гравитацией красоты подавленный
Все же ты весь сквозь нее, как растение,
Восходящий ввысь

Сосны на гребне террасы на том берегу
 вместе с растениями в ту сторону смотришь
где река многоярусные леса
На том берегу
В предосеннем изнеможении красоты

Жить неустанно

Сжать рукою пучок лучей расходящихся сосновых игл

2. Мемориал А.Л.

Растенья летние закроют биофак
Не видно ни души в пустынных коридорах
И лишь мемориальный тот оплаканный плакат
Чуть светится как бы просвет или итог далеких споров

3. Сын Мичурина, актер

И даже когда он играл негодяя,
Помнил он, как отец попросил сыграть его яблоню,
А он не смог

4. Питомник северных пород

Питомник северных пород
На нашем среднем юге
Создал намеренно немного их неровные шеренги

Среди них
В их безмолвной листве
Ветерок проходил
И далекого Дона долины
Вместе с ними начинали шептать и молчать

И ты немного чувствительным был
Когда сам замирал на миг меж яблонь, меж них
И глаза прикрывал под солнцем в долгий полдень

Вспоминал почему-то виноград искусственный, сиреневый и прозрачный

Питомник северных пород
Здесь на склоне реки
Основал свое царство и место

Продрогшая яблонька
С юбкой не согревающей от снега
Но все-таки сохраняющей до весны

За деревцем ты ухаживал, как за человеком

Здесь среди растений
Ты историю людей позабыл
Каждое стало тем человеком, который увидел его

ИС

Пред вертикальной картиной
стояли мы или летели
смотрела в нас она,
как в зеркало, на десятилетие вперед
И ты с тончайшим очерком лица
и я, наверное, картиною неузнанный
перед служебной дверью с надписью «Познание»
Мы были робкими учениками –
той горизонталью
что рассекает вертикальную картину жизни
на стене
Входит и в нее и влетает словно самолет-ковёр
волшебный
И здесь в музее временном

среди муз, покрытых чувственной пылью –
фигур нелепых и прекрасных чем-то средним
 между виолончелью и аркебузой
И робко вдруг мы увидели друг друга